

Ги д. Мопассан

Отец Амабль

«ЛитПаб»

Мопассан Г. д.

Отец Амабль / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб»,

Блестящее писательское дарование Ги де Мопассана ощутимо как в его романах, так и самых коротких новеллах. Он не только описывал внешние события и движения человеческой души в минуты наивысшего счастья или испытания. Каждая новелла Мопассана – это точная зарисовка с натуры, сценка из жизни, колоритный образ мужчины или женщины, молодежи или стариков, бедняков или обитателей высшего света. Произведение входит в авторский сборник «Лунный свет».

© Мопассан Г. д.

© ЛитПаб

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ги де Мопассан Отец Амабль¹

Ги де Мопассан

(1850 – 1893)

I

Мокрое, серое небо нависло над широкой бурой равниной. Запах осени, печальный запах голой, сырой земли, палых листьев, засохшей травы разливался в неподвижном вечернем воздухе тяжелой, густой струей. Крестьяне еще работали кое-где в поле, ожидая звона к вечерне, чтобы вернуться на фермы, соломенные крыши которых проглядывали сквозь обнаженные сучья деревьев, защищающих от ветра яблоневые сады.

У дороги, на груде тряпья, сидел, растопырив ножки, крошечный ребенок и играл картофелиной, роняя ее иногда на свою рубашонку, а рядом на поле пять женщин, согнувшись до земли так, что видны были только зады, сажали брюкву. Быстрым, мерным движением они втыкали деревянные колышки вдоль глубокой борозды, проведенной плугом, и тотчас сажали в образовавшиеся ямки рассадку, уже немного поблекшую и спадающую набок; потом они прикрывали корни землей и продолжали работу.

Проходивший мимо мужчина, с голыми ногами в сабо, с кнутом в руке, остановился возле ребенка, взял его на руки и поцеловал. Тогда одна из женщин выпрямилась и подошла к нему. Это была рослая румяная девушка, широкая в бедрах, в талии и в плечах, крупная нормандская самка, желтоволосая и краснощекая.

Она сказала решительным голосом:

– Вот и ты, Сезэр. Ну, как?

Мужчина, худощавый парень с печальным лицом, пробормотал:

– Да никак. Все то же.

– Не хочет?

– Не хочет.

– Что ж ты будешь делать?

– А почему я знаю?

– Сходи к кюре.

– Ладно.

– Сходи сейчас.

– Ладно.

Они взглянули друг на друга. Он все еще держал ребенка на руках, поцеловал его еще раз и посадил на кучу женского тряпья.

На горизонте, между двумя фермами, видно было, как лошадь тащит плуг и как на него налегает человек. Лошадь, плуг и пахарь медленно двигались на фоне тусклого вечернего неба.

Женщина продолжала:

– Что же твой отец говорит?

– Говорит, что не хочет.

– Да отчего же он не хочет?

Парень указал жестом на ребенка, которого опустил на землю, и взглядом – на человека, шедшего за плугом. И добавил:

– Потому что ребенок от него.

Девушка пожалала плечами и сказала сердито:

– Подумаешь! Всем известно, что ребенок от Виктора! Ну и что же? Ну, согрешила! Да разве я первая? И моя мать грешила до меня, да и твоя тоже – прежде чем выйти за твоего отца! Кому это у нас не приходилось грешить? А у меня грех вышел с Виктором потому, что он взял меня, когда я спала в овине. Это истинная правда. Ну, потом бывало, конечно, что я и не спала да грешила. Я бы вышла за него, кабы он не жил в работниках. Неужели же я от этого хуже стала?

Парень ответил просто:

– По мне, ты хороша, что с ребенком, что без ребенка. Только вот отец не согласен. Ну, да я как-нибудь все улажу.

Она повторила:

– Сходи сейчас же к кюре.

– Иду.

И он пошел дальше тяжелой крестьянской поступью, а девушка, упершись руками в бедра, пошла сажать брюкву.

Парень, направлявшийся теперь к священнику, Сезэр Ульбрек, сын глухого старика Амабля Ульбрека, действительно хотел жениться против воли отца на Селесте Левек, хотя она прижила ребенка с Виктором Лекоком, простым батраком на ферме ее родителей, которого они выгнали после этого.

Впрочем, в деревне не существует кастовых различий, и если батрак бережлив, то он со временем сам приобретает ферму и становится ровней бывшему своему хозяину.

Итак, Сезэр Ульбрек шел, держа кнут под мышкой, думая все ту же думу и медленно переступая тяжелыми сабо, на которых налипла земля. Конечно, он хотел жениться на Селесте и хотел взять ее с ребенком, потому что это была та самая женщина, какая ему нужна. Он не мог бы объяснить, почему именно, но знал это, был в этом уверен. Достаточно ему было взглянуть на нее, чтобы убедиться в этом: он сразу чувствовал себя как-то чудно, растроганно, глупо-блаженно. Ему даже приятно было целовать ребенка, Викторова малыша, потому что он родился от нее.

И он без всякой злобы поглядывал на далекий силуэт человека, шедшего за плугом на краю горизонта.

Но отец Амабль не желал этого брака. Он противился ему с упрямством глухого, с каким-то бешеным упорством.

Напрасно Сезэр кричал ему в самое ухо, в то ухо, которое еще различало некоторые звуки:

– Мы будем ухаживать за вами, папаша. Говорю вам, она хорошая девушка, работающая, бережливая.

Старик твердил одно:

– Пока я жив, этому не бывать.

И ничто не могло убедить его, ничто не могло сломить его упорство. У Сезэра оставалась одна надежда. Отец Амабль побаивался кюре из страха перед смертью, приближение которой он чувствовал. Он, собственно, не боялся ни бога, ни черта, ни ада, ни чистилища, о которых не имел ни малейшего представления, но он боялся священника, вызывавшего у него мысль о похоронах, как боялся врача из страха перед болезнью. Селеста знала эту слабость старика и уже целую неделю уговаривала Сезэра сходить к кюре. Но Сезэр все не решался, так как и сам недолюбливал черные сутаны: они представлялись ему не иначе как с рукой, протянутой за даянием или за хлебом для церкви.

Но наконец он собрался с духом и пошел к священнику, обдумывая, как бы лучше рассказать ему свое дело.

Аббат Раффен, маленький, худой, подвижной и вечно небритый, дожидался обеда, грея ноги у кухонного очага.

Увидев вошедшего крестьянина, он только повернул в его сторону голову и спросил:

– А, Сезэр, что тебе нужно?

– Мне бы поговорить с вами, господин кюре.

Крестьянин робко переминался на месте, держа в одной руке фуражку, а в другой кнут.

– Ну, говори.

Сезэр взглянул на старую служанку, которая, шаркая ногами, ставила хозяйский прибор на край стола перед окном. Он пробормотал:

– Мне бы вроде как на духу, господин кюре.

Тут аббат Раффен пристально взглянул на крестьянина и, заметив его растерянный вид, сконфуженное лицо, бегающие глаза, приказал:

– Мари, уйди к себе в комнату минут на пять, пока мы тут потолкуем с Сезэром.

Старуха бросила на парня сердитый взгляд и вышла, ворча.

Священник продолжал:

– Ну, теперь выкладывай свое дело.

Парень все еще колебался, разглядывал свои сабо, теребил фуражку, но потом вдруг осмелел:

– Вот какое дело. Я хочу жениться на Селесте Левек.

– Ну и женись, голубчик, кто же тебе мешает?

– Отец не хочет.

– Твой отец?

– Да.

– Что же он говорит, твой отец?

– Он говорит, что у нее ребенок.

– Ну, это не с ней первой случилось со времени нашей праматери Евы.

– Да ребенок-то у нее от Виктора, от Виктора Лекока, работника Антима Луазеля.

– Ах вот как! И отец, значит, не хочет?

– Не хочет.

– Нипочем не хочет?

– Да. Не в обиду сказать, уперся, как осел.

– Ну а что ты ему говоришь, чтобы он согласился?

– Я говорю, что она хорошая девушка, работающая и бережливая.

– А он все-таки не соглашается? Ты, значит, хочешь, чтобы я с ним поговорил?

– Вот, вот!

– Ну а что же мне ему сказать, твоему отцу?

– Да... то самое, что вы говорите на проповеди, чтобы мы деньги давали.

В представлении крестьянина все усилия религии сводились к тому, чтобы наполнять небесные сундуки, заставляя прихожан раскошелиться, выкачивать деньги из их карманов. Это было нечто вроде огромного торгового дома, где кюре являлись приказчиками, хитрыми, пронырливыми, оборотистыми, и обдeldывали дела господ бога за счет деревенских жителей.

Он, конечно, знал, что священники оказывают услуги, немалые услуги бедным людям, больным, умирающим, что они напутствуют, утешают, советуют, поддерживают, но все это за деньги, в обмен на беленькие монетки, на славное блестящее серебро, которым оплачиваются таинства и мессы, советы и покровительство, прощение и отпущение грехов, чистилище или рай, в зависимости от доходов и щедрости грешника.

Аббат Раффен, хорошо понимавший своих прихожан и никогда не сердившийся на них, рассмеялся:

– Ну, ладно! Я поговорю с твоим отцом, но ты, голубчик мой, должен ходить на проповедь.

Ульбрек поднял руку:

– Если вы мне это устроите, даю честное слово бедняка, буду ходить.

– Значит, поладили. Когда же ты хочешь, чтобы я сходил к твоему отцу?

– Да чем раньше, тем лучше. Если можно, хоть сегодня.

– Хорошо, я приду через полчаса, как поужинаю.

– Через полчаса?

– Да. До свидания, голубчик.

– Счастливо оставаться, господин аббат, спасибо вам.

– Не за что.

И Сезэр Ульбрек воротился домой, чувствуя, что с сердца его спала большая тяжесть.

Он арендовал маленькую, совсем маленькую ферму, так как они с отцом были небогаты. Одни со служанкой, пятнадцатилетней девочкой, которая варила им похлебку, ходила за птицей, доила коров и сбивала масло, они еле-еле сводили концы с концами, хотя Сезэр был хороший хозяин. Но у них не хватало ни земли, ни скота, и заработать им удавалось только на самое необходимое.

Старик уже не мог работать. Угрюмый, как все глухие, разбитый болезнями, скрюченный, сгорбленный, он бродил по полям, опираясь на палку, и мрачно, недоверчиво оглядывал людей и животных. Иногда он садился на краю канавы и просиживал там в неподвижности целыми часами, смутно думая о том, что заботило его всю жизнь, – о ценах на яйца и на хлеб, о солнце и о дожде, которые будут полезны или вредны посевам. И его старые члены, сведенные ревматизмом, продолжали впитывать в себя сырость почвы, как уже впитывали в течение семидесяти лет испарения низкого домика, крытого сырой соломой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.